

Olga S. Porshneva

Olga S. Porshneva, Professor of the Institute of the Fundamental education, Urals State University (Russia, 620083, Ekaterinburg, Lenin Avenue, 51), Dr. of History, professor.

Телефон/Phone: +7 (343) 375-46-17. Электронная почта/E-mail: porshneva@yandex.ru

Russia's allies in the First World War in the Russian society's perception, 1914

The article is devoted to the conditions which determined perception of the First World War by Russian society during the 1914. The author focuses her attention on the formation of the Allies' image in the conscience of different layers and groups of Russian society. The article shows representations of general mood, notions, ideas and feelings which determined the Allies' image in the conscience of educated classes and masses. The actualization and transformation of ethnic and foreign policy stereotypes are also discussed. The author evaluates an uprising of anti-allies perceptions by the end of 1914, its sources and manifestations.

Key words: First World War, Russian society, patriotic mood, official propaganda, allies, ally's image, 1914, ethnic stereotypes, foreign-policy stereotypes.

Э. А. Замов

Замов Эдуард Александрович, доцент кафедры Востоковедения Уральского государственного университета (Россия, 620083, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51), кандидат исторических наук, доцент.

Телефон/Phone: +7(343) 350-75-43. Электронная почта/E-mail: ZamovEA@yandex.ru

ЛЕВЫЙ ФАШИЗМ И УГО СПИРИТО

Статья посвящена анализу феномена левого фашизма в Италии. Автор анализирует происхождение левого фашизма на примере воззрений Уго Спириито. Он определяет социальные силы, которые поддерживали идею корпоративизма.

Ключевые слова: корпоративизм, фашизм, Италия, политическая теория.

Теоретик итальянского фашистского корпоративизма Уго Спирито (1896-1979) прожил долгую жизнь. Он являлся одним из ведущих итальянских философов своего времени. Его учителем был Джованни Джентиле, крупный философ-идеалист, министр образования при фашистском режиме и автор знаменитого «Манифеста фашистских интеллектуалов» (этот манифест подписал и Спирито). С 1934 г. Спирито являлся профессором философии университетов Пизы, Мессины, Генуи и университета «Ла Сапиенца» в Риме. Он был автором свыше 30 книг и сумел (в отличие от своего учителя, казненного партизанами) пережить Вторую мировую войну. Впоследствии философ Спирито становится на путь богоискательства, оставаясь вместе с тем сторонником построения корпоративного государства. Ныне в Италии действует «Фонд Уго Спирито», тесно связанный с правоконсервативной партией «Национальный альянс». Спирито был близок к так называемым левым фашистам (которые не представляли собой какого-либо организованного движения, наиболее известным среди них был Н. Бомбаччи, бывший итальянский коммунист, казненный после падения «Республики Сало»). Взгляды «левых фашистов» по многим позициям совпадали с идеями немецких сторонников «второй (то есть антибуржуазной национал-социалистической) революции, которых возглавляли Г. Штрассер и Э. Рем. В отличие от своих немецких единомышленников, «левые фашисты» в Италии не были влиятельны и не подвергались репрессиям. Проблема происхождения «левого фашизма» в нашей стране не изучалась. Наиболее показательной в плане характеристики мировоззрения Спирито является книга «Революционная война», написанная в 1942 г. на переломе Второй мировой войны.

Спирито выделил следующие две причины Второй мировой войны: «Первая причина есть та, которая объединяет эту войну с предшествующей и в сущности все войны совершаются по этой причине: она состоит в воле к самоутверждению отдельных народов и реализуется политикой силы. Другая, напротив, носит характер более или менее революционный и проявляется в свете анализа противостоящих идеологий» (1). Рассуждая о первой причине, Спирито пишет: «Существует вечный мотив воли к власти, характерный как для индивидов, так и для народов и государств: и он живет в корне истории, характеризует подъем, рост и падение сил, в ней действующих. Нужда в самоутверждении живет в каждом организме, который постоянно стремится стать шире, укрепить и возвеличить собственное место в мире, жить при всегда увеличивающемся богатстве средств и возможностей. Это раскрывается каждый миг как закон самый сильный... как сущность самой жизни, с

этим было бы бесполезно спорить или отрицать это. Прежде чем возлюбить других, возлюби себя самого, и даже любой альтруизм всегда сводится к форме эгоизма. Жизнь в ее непосредственности есть эгоизм... Война идет и будет идти между людьми и нациями, использующими для этого все средства, которые можно использовать. даже в так называемые мирные времена» (2). Мировоззрение Спирито носит эклектический характер. В нем причудливо сочетается позитивизм в духе Г. Спенсера и Дж. С. Милля с откровенным ницшеанством, а его рассуждения об эгоизме напоминают теорию эгоизма Н. Г. Чернышевского. Примечательно, что в своей книге Спирито не ставит проблемы морали. Главное – не торжество справедливости, а результат, и в данном случае имморализм Спирито имеет свое происхождение в эпохе Возрождения.

О второй причине войны (которой является борьба идеологий) Спирито говорит следующее: «Демократия и фашизм противостоят друг другу как наследие прошлого и восходящее будущее, и сила традиции может быть побеждена лишь в том случае, если только зародыш нового сможет выдержать испытание и расцветет» (3). Далее Спирито пишет: «Война, наконец, ведется нами с революционной целью, она должна разрушить, вместе с силами консерватизма, сам дух консерватизма» (4). Эти воззрения были продиктованы негативной реакцией большинства итальянского общества на долготлетнее господство узкой группы коррумпированных либералов. Эта реакция носила межклассовый характер, но более всего она была характерна для ремесленников, переживших в либеральный период массовое разорение и обладавших признаками как пролетарского, так и буржуазного классового сознания.

Спирито видит в буржуазии лишь негативные черты, а в пролетариате – лишь положительные: «...существует глубокий разрыв между различными формами старой и новой буржуазии и пролетариатом, всегда сильнее, чем буржуазия, осознающим революционную ценность фашизма. Есть одна буржуазия, которая видит в фашизме свое спасение и не верит в его революционную природу; есть и другая буржуазия, которая выросла спекулируя на фашизме... и солидаризовалась с первой» (5). Для Спирито буржуазия – эгоистичный, антинациональный и отживающий свое класс, а Вторая мировая война – это прежде всего война между пролетариатом и буржуазией.

Далее Спирито отмечает: «Лишь фашистский пролетариат в полной мере осознает обе причины войны... И фашистский европейский пролетариат осознает эту войну как свою и сражается с серьезностью и дисциплиной, на которые не способна буржуазия» (6). Антибуржуазным пафосом проникнуты также следующие слова Спирито: «И чем дольше продлится война, тем более проблема организации масс (рабочих, солдат и крестьян) встанет в центр жизни и окрасит все ее проявления:

жизнь более не будет рассматриваться в плане удовлетворения нужд аристократических меньшинств. но прежде всего в плане удовлетворения потребностей. вкусов и нужд коллективной жизни, которая объединит всех индивидов» (7). Эти слова напоминают ленинскую трактовку Первой мировой войны как «великого ускорителя», обостряющего противоречия капиталистического общества и подготавливающего приход социализма.

Уго Спирито принципиально признавал характерное для западно-европейских правоведов различие между природным и волеустановленным правом. Для него не существует никаких неизменных правовых норм: «Жизнь трансформируется и новые требования появляются постоянно, в результате чего старый закон не принимается в расчет; мало-помалу правильная норма становится неправильной, поскольку жизнь изменилась и новая историческая реальность не может сохранить порядок, для нее не созданный... Законодательная власть не может мыслиться иначе как постоянная ревизия» (8). Далее Спирито указывает: «Законодательная власть есть сын закона, который порожден определенной исторической ситуацией и как власть она имеет непосредственную цель в сохранении ситуации, обеспечивающей бытие этой власти. Тогда дело ревизии закона ограничивается стремлением защитить власть нескольких твердолобых деятелей...» (9). По мнению Спирито, по мере развития общества углубляется контраст между природным и волеустановленным правом, и это приводит к революционным изменениям: «Каждый законодательный цикл... разворачивается всегда между начальным моментом, который является революцией, и финалом, который означает другую революцию» (10). Законность всякой власти, по Спирито, основывается на насильственном изменении правовой системы, т. е. на «антиюридическом факте».

Поэтому противопоставление права и насилия, по мнению Спирито, логически бессмысленно. Он утверждает: «Право, которое защищают демократии, которые кричат о насилии, применяемом врагами, есть право привилегии, завоеванное силой, оно осуждено быть сокрушенным актом насилия» (11). Далее Спирито указывает: «Насилие есть в собственном смысле позитивное право, которое должно быть отменено и будет отменено другим насилием, чтобы установить другое право, более соответствующее правде времени» (12). Эти слова Спирито воспроизводят марксистскую трактовку роли насилия как «повивальной бабки истории».

На мировоззрение Спирито большое влияние оказал марксизм. Он рассматривает фашистскую революцию как революцию пролетарскую и антибуржуазную: «...как было революционным утверждение буржуазного права, революционно есть и будет установление нового

антибуржуазного права» (13). Как видно, Спирито почти буквально воспроизводит слова «Манифеста Коммунистической партии»: «Буржуазия сыграла в истории чрезвычайно революционную роль».

Приход фашистов к власти в Италии Спирито связывает с большевистским переворотом в России: «Под давлением большевистской идеологии сначала Италия и затем Германия должны были поставить проблему сопротивления этой революционной и анархической абстракции и вместе с тем удовлетворить антикапиталистические требования. Так родился фашизм вместе с другими европейскими революциями, последовавшими вслед за итальянской революцией октября 1922 г. Эти революции имели неопределенное направление и по-разному интерпретировались справа и слева, они стремились спасти общество от капитализма и большевизма, и революции эти представляли собой высший синтез... Прежде всего анархизм послевоенных времен заставлял буржуазию надеяться, что фашизм мог быть орудием спасения и антибольшевистский мотив в новом порядке является доминирующим, но постепенно спасенным пришлось убедиться, что... политическое движение, в которое они верили, имеет и другие требования совсем не буржуазного характера. Постепенно проходили годы, и эти требования усиливали свое давление, и фашизм, оставаясь принципиально в ситуации компромисса, придавал им все большее значение» (14). Далес Спирито указывает: «Значительный импульс фашистской революции был придан кризисом 1929 г.... В 1932 г. нами был признан кризис капитализма и была открыта дорога новой корпоративной экономике как экономике программируемой. ...частная инициатива стала подчиняться единству национальной экономической жизни» (15). Примечательно, что Спирито рассматривает фашизм как явление общеввропейское в отличие от Муссолини, считавшего, что «фашизм не является предметом для экспорта».

Это не единственное различие во взглядах Спирито и Б. Муссолини. Последний постоянно подчеркивал свое нежелание вмешиваться в отношения собственности. Спирито, напротив, утверждает: «Необходимо устранить капиталистические привилегии, которые приводят к расколу между классами через раскол частного и общественного. Это достигается лишь через радикальную трансформацию институтов собственности и наследства, которые запрещают в нынешних условиях уравнение стартовых позиций в жизни различных граждан» (16). Данные требования почти совпадают с некоторыми программными требованиями «Манифеста Коммунистической партии», требовавшего в частности отмену права наследования.

Так же не соответствуют официальной фашистской концепции взгляды Спирито на роль вождя в фашистском обществе. Данные взгля-

ды сводятся к следующему. Сирито утверждает: «Феномен дучизма является всеобщим и невозможен тоталитарный режим, обходящийся без такого феномена» (17). По его мнению, «дучизм» вовсе не отрицает свободу: «Неверно, что дучизм произвольно отменил свободу дискуссии, он является лишь концом той дискуссии, которая предопределила появление дучизма» (18). «Дучизм» появляется в следующей исторической обстановке: «Лишь буржуазия способна помешать пресечению преемственности политической жизни и избежать жестоких форм революционной практики. Но буржуазия демонстрирует и продолжает демонстрировать неспособность к обновлению и стремится кратчайшим путем к самоубийству. С другой стороны, пролетариат, который должен заменить ее, не имеет политической подготовки, прежде всего технической, чтобы сделать это, и единственным последствием такого состояния дел является более или менее быстрое впадение пролетариата в анархию. Процесс распада обостряется и национальный организм перестает нормально функционировать. И вот в этих условиях и возникает феномен дучизма». Для Сирито пролетариат и буржуазия чужды друг другу и в то же время нуждаются друг в друге. Подобные взгляды характерны для значительного в масштабах Италии слоя мелких разоряющихся ремесленников, которые, сочетая в равной степени черты пролетариата и буржуазии, боятся первого и ненавидят последнюю.

Функции вождя, по мнению Сирито, заключаются в следующем: «Дуче рождается, становясь над партиями и принимая на себя функции арбитра между буржуазией и пролетариатом. Он прекращает выродившиеся политические дискуссии и восстанавливает фундаментальные условия порядка, поэтому жизнь снова обретает свой регулярный ритм» (20). Сирито рассматривает функцию вождя как временное явление, характерное лишь для периода неустойчивого равновесия между пролетариатом и буржуазией: «Но для того, чтобы функция арбитража была удачной, надо, чтобы дуче... оказал доверие обеим сторонам конфликта: дуче должен принять интересы и буржуазии, и пролетариата, и дать им защиту их существования» (21). Далее Сирито утверждает: «Начало фашистской революции ближе интересам буржуазии. Необходимо вернуться к порядку и борьба против анархии не может не воодушевлять тех, кто может потерять все в беспорядке. Несомненно, новое правительство не имеет опыта, чтобы заменить буржуазию в ее роли сети, связывающей нацию, и не может уклониться от добровольного сотрудничества с ней. Правительство, таким образом, делает своеобразный реверанс тому классу, основы которого колеблет. Пролетариат, в свою очередь, находится в благожелательном ожидании: дуче сам вышел из народа и не может изменить ему» (22). Сирито указывает: «Первичная ситуация, благоприятная для буржуазии, не может долго длиться. Дуче

не может забывать, что его функция выросла из понимания новой политической роли пролетариата и призвана сделать возможным переход от старого режима к режиму новому. Он хорошо знает, что из двух тяжущихся сторон будущее принадлежит пролетариату и что взаимное сложение сил действует в пользу последнего. Смысл функции дуче и успех его политической деятельности состоит в том, что, оставаясь как можно больше в роли арбитра и сохраняя доверие к обеим сторонам, смещает баланс сил в пользу пролетариата и делает революцию более народной» (23). Данные рассуждения очень созвучны словам Ф. Энгельса об истории как «параллелограмме воли».

Спирито очень критично отзываясь о фашистском режиме. Он отмечает негативные стороны режима: возникновение новой придворной камарильи, полицейские злоупотребления, бюрократию. Избежать их, по мнению Спирито, можно следующим образом: «Организационной функцией дучизма является преодоление бюрократической стадии через надделение корпоративной функцией каждого компонента социального организма. Бюрократия рождается и процветает в условиях дуализма общественного и частного или всеобщего и частного интересов, что характерно для буржуазного государства. Бюрократы в нем развертывают деятельность, в корне отличную от интересов других граждан и кончают тем, что формируют социальную категорию «для себя», не смешивающуюся с другими. Когда, напротив, из буржуазного государства вырастает корпоративное, через процесс прогрессивного расширения государственных функций на всю жизнь нации... бюрократия исчезает совершенно и совпадает с тотальностью граждан» (24).

Об истоках своего мировоззрения Спирито говорит следующее: «Истинное итальянское мышление остается вне всякой рационалистической и просвещенческой тенденции, и итальянская буржуазия, с 18 в. франкофильская и англофильская, всегда оставалась вне жизненных течений нашей культуры. Она была всегда антикартезианской, начиная с Кампанеллы и Вико, и проявилась как антикартезианская и антипросвещенческая в людях Рисорджименто» (25). Несмотря на внешний романтизм Рисорджименто, почему-то именно люди Рисорджименто привели к власти в Италии буржуазную географического треугольника Милан-Турин-Генуя, а не какие-то другие социальные слои. Автор совершенно напрасно считает Дж. Вико, связывавшего прогресс в развитии общества с конкретными, «земными» причинами, противником рационализма.

Спирито не отвергает безоговорочно коммунистическую идею. Но коммунизм советского образца для него неприемлем: «Он реализуется исключительно в экономических границах и стремится приобщить всех граждан, а не только единственный класс к выгодам капитализма и

индустриализма... Все становятся буржуа из буржуа: вот формула нового коммунистического рая... Сама логика происхождения коммунизма от либерализма представляется явной, и большевистская революция может означать определенный триумф эгалитарного принципа на базе демократического института всеобщего избирательного права» (26).

Еще одно отличие взглядов Спирито от взглядов Муссолини состоит в разном понимании целей фашистской революции. Муссолини считал главной целью этой революции экономический подъем и преодоление отставания Италии от крупнейших индустриальных держав. По сути, он представляет в определенном смысле ту самую рационалистическую тенденцию европейской мысли, которая была неприемлема для Спирито. Последний пишет: «Свобода всех или свобода гения? Свобода как природное право каждого индивида... или свобода, которая завосывается как привилегия для себя? Нет более абстрактной свободы, но есть особая свобода для тех, кто желает реализовать свое незаменимое дарование. Так мыслит вопреки плоскому эгалитарному требованию рационализма сознание масс, всегда расположенное позитивно к полезным личным талантам и добровольно принимающее неравенство, проистекающее из этого. Вот причина, по которой фашистская революция не вырождается в уравнилельный коммунизм, который является прямым сыном демократии. В осуществлении своих прав масса принимает концепцию иерархии, по которой каждый индивид, а не только представители определенного класса, занимает должность, в которой компетентен, и степень его свободы соразмерна с выполняемой функцией. Это не наследственная аристократия и даже не ее абстрактная противоположность, воплощенная в мажоритарной демократии, но иерархия. Не коммунизм, основанный на массе, имеющей ценность благодаря своему количеству, но иерархический коммунизм, то есть сотрудничество всех в общем деле, определяющее для каждого свою роль сообразно критерию компетентности» (27). Спирито видит ценность фашистской революции в раскрытии возможностей личности, поощряя тем самым тот самый индивидуализм и эгоизм, против которого восставал.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Spirito U. *La guerra rivoluzionaria*. Roma, 1989. P. 63.
2. *Ibidem*.
3. *Ibid.* P. 65.
4. *Ibid.* P. 70.
5. *Ibid.* P. 68.
6. *Ibidem*.
7. *Ibid.* P. 69.
8. *Ibid.* P. 71-72.
9. *Ibid.* P. 72.
10. *Ibidem*.

11. Ibidem.
12. Ibidem.
13. Ibid. P. 73.
14. Ibid. P. 77.
15. Ibidem.
16. Ibid. P. 125-126.
17. Ibid. P. 117-118.
18. Ibid. P. 118.
19. Ibid. P. 120.
20. Ibidem.
21. Ibidem.
22. Ibidem.
23. Ibid. P. 120-121.
24. Ibid. P. 125.
25. Ibid. P. 134-135.
26. Ibid. P. 130.
27. Ibid. P. 134-135.

Eduard A. Zamov

Eduard A. Zamov, associate professor of the Chair of Orientalism of Ural State University (620083, Russia, Ekaterinburg, Turgeneva Street, 4); PhD, associate professor.

Телефон/Phone: +7(343) 350-75-43. Электронная почта/E-mail: ZamovEA@yandex.ru

The left fascism and Ugo Spirito

The article is devoted to the analysis of phenomenon of left fascism in Italy. The author analyses the origin of left fascism on the example of theories of Ugo Spirito. He defines the social forces, which supported the idea of corporativism.

Key words: corporativism, fascism, Italy, politician theory.

Д.С. Каргапольцев

Каргапольцев Дмитрий Сергеевич, аспирант кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета (620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26).

Телефон/Phone: +7 (343) 235-76-34. Электронная почта/E-mail: 880771@mail.ru